

УДК 343.9
DOI 10.52452/19931778_2022_6_77

О РАЗВИТИИ КРИМИНАЛЬНОЙ СУБКУЛЬТУРЫ В РОССИИ В ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД

© 2022 г.

К.А. Зарубина

Юго-Западный государственный университет, Курск

kris1996z@mail.ru

Поступила в редакцию 11.10.2022

Цель работы – исследование отдельных аспектов формирования и развития криминальной субкультуры как неотъемлемого признака профессиональной преступности в России в дореволюционный период. Методология исследования включает в себя такие методы, как диалектический, логический, системный, функциональный и некоторые другие. Сделаны выводы о формировании в конце XIX – начале XX в. в России системы духовных и материальных ценностей, регламентирующих и упорядочивающих образ жизни преступных сообществ.

Ключевые слова: криминальная субкультура, профессиональная преступность, криминальный профессионализм, уголовный жаргон, преступный фольклор, криминальная иерархия, признаки профессиональной преступности.

Криминальную субкультуру большинство учёных, занимающихся исследованием профессиональной преступности, относят к основным признакам криминального профессионализма. Она представляет собой систему преступных традиций, обычаев, ценностей, установок, принятых форм общения, поведения и т.п. В её основе лежат психологические и социально-экономические факторы. Криминальная субкультура состоит из следующих элементов: криминальной идеологии, криминальной нравственности, криминального образа жизни, криминальной организации и криминального культа, а носителями криминальной субкультуры являются в первую очередь профессиональные преступники. При этом формирование данной системы духовных и материальных ценностей, регламентирующих и упорядочивающих образ жизни преступных сообществ, происходило в России в дореволюционный период.

Ещё в начале XVII в. голландский мемуарист И. Масса писал о том, что в России у беглых «гулящих» холопов существовал свой тайный язык – отверница. В связи с тем, что многие «свободные» люди добывали себе средства для существования разбоем и грабежом, фактически преступным промыслом, этот язык отождествлялся с уголовным миром. Данный социолект использовали и бунтовщики И. Болотникова [1]. Иногда его относят к ранним формам воровского аргю. Он складывался посредством «отворачивания» и переворачивания слогов слов, через замену и вставки различных частиц [2, с. 72]. Однако в связи с тем, что данный язык использовали не только преступники, но и

бродяги, беглые холопы, другие «бездельники», его в полной мере нельзя отождествлять только с преступным миром. Хотя появление такого социолекта в российском обществе косвенно всё же свидетельствовало о зарождении криминальной субкультуры.

С XVIII в. в России появляется всё больше и больше фактов, указывающих на формирование и развитие криминальной субкультуры. С этим же периодом связано в том числе утверждение криминальной иерархии. В настоящее время можно обнаружить описание современниками жизни особо отличившихся преступников. Особо примечательно описание преступной деятельности вора Ивана Осипова по кличке Ванька Каин, в будущем доносителя сыскаго приказа (впоследствии его судьбу повторит доносчик из Франции Ф.Э. Видок). Склонность к преступной деятельности у крепостного крестьянина Каина проявлялась с детства. Он часто воровал у барина, соседей, матери. В юности примкнул к одной крупной воровской шайке, специализировался на карманных кражах, на одной из ярмарок был задержан, после бежал (ключи для замка оков ему передал в калаче его «коллега», вор по кличке «Камчатка»). Затем Ванька Каин продолжил заниматься преступной деятельностью, состоял в нескольких шайках. В 1741 г. по неизвестным причинам решил изменить воровскому «ремеслу» и поступил на службу в полицию.

Не менее известным воров XVIII в., чем Ванька Каин, был карманник Михайло Денисов, который стал мошенничать вместе с товарищами, а также московский вор Гаврила Никифо-

ров, Тихон Степанов по кличке «Белый» и другие. Именно эти лица пользовались особым уважением в преступной среде, занимали высокое положение в криминальной иерархии.

Формирование профессиональной преступности в России сопровождалось установлением специфических атрибутов культуры, криминальных законов, обычаев и традиций. Дело Ваньки Каина примечательно с точки зрения определения особенностей развития криминальной субкультуры в представленный период. Анализируя преступную жизнь известного вора-карманника, можем отметить: в России в XVIII в. уже существовали особые обряды приёма в преступную шайку, правила взаимовыручки, уголовные клички и т.п.

Важнейшим элементом в структуре криминальной субкультуры становится особый язык преступников. Он не только имел конспиративную функцию, но и являлся средством «опознания» «своего» человека. В воровской лексике представленного периода вместо понятия «вор» употребляли выражение «брат нашего сукна», отправиться на воровство значило «пойти на черную работу», мошенничать – «подавать милостыню», а совершить карманную кражу – «пошевелить в кармане», пьяных жертв называли «сырыми». Примечательно, что уже в XVIII в. воров особым образом именовали пенитенциарные учреждения: тюрьмы – «каменными мешками», застенки – «немшонной баней» [3, с. 46]. Так, языковед А. Шор относил возникновение уголовного языка именно к XVIII в., связывая это в первую очередь с распространением краж в городской среде и активным образованием преступных группировок [4].

Также в данный период у преступников впервые появляются клички. О том, кто и как в криминальной среде придумывал эти прозвища, доподлинно неизвестно, однако многие из таких прозвищ указывали на те или иные особенности внешности преступника. Так, в состав шайки известного московского вора Ваньки Каина (настоящее имя – Иван Осипов) входили: Губан, Плешивый, Широкий, Рыжий, Смазной, Сердитка и другие. Иногда кличка указывала на прежнюю профессию преступника (Столяр, Кувай), происхождение (Ляхов, Мурза, Поляк, Камчатка) [4, с. 47].

В XIX – начале XX в. в России происходит качественный скачок в развитии криминальной субкультуры. Полагаем, это было связано в первую очередь с модификацией системы наказаний, влиянием отечественной пенитенциарной системы на исправление или неисправление осужденных. Как правило, смертная казнь за общеуголовные преступления не назначалась,

она применялась в основном как мера государственного воздействия на государственных преступников. Так, например, в период правления Николая I смертные приговоры были вынесены лишь в отношении 40 осужденных [5]. Причём даже за опаснейший вид преступления – бунт против верховной власти – восстание декабристов 1825 г. к смертной казни приговорили лишь 5 человек. Вместо этого «оступившихся» (в том числе и многократно) отправляли на каторгу, поселения, в тюрьму и т.д. Сроки заключения при этом для опасных преступников в России XIX в. были продолжительными. Лишение свободы становится существенным элементом в системе уголовных наказаний рассматриваемого периода. После проведения судебной реформы 1864 г. увеличивается число мест заключения. Одним из самых тяжких наказаний признаётся каторга, в том числе и пожизненная, назначаемая за многие виды преступлений, в том числе и корыстной, корыстно-насильственной направленности. Наименьшее количество «каторжан» приходится на 1860–1867 гг. – до 1,6% от общего числа осуждённых, в предреволюционные годы – до 8%. Хотя в 1868 г. по сравнению с 1860 г. шестикратно возрастает число осуждённых, приговорённых к заключению в тюрьму. Так, в рассматриваемый период времени лишение свободы как вид наказания составляло около 50% всех санкций, предусмотренных уголовным законодательством, причём за наиболее тяжкие правонарушения лишали свободы намного чаще, чем за малозначительные общественно опасные деяния [5].

Как отмечают многие исследователи, это способствовало активной профессионализации преступной среды, развитию криминальной субкультуры. Ввиду того, что сроки заключения в местах лишения свободы были продолжительными (нередко на каторгу ссылали и пожизненно), а на многих режимных объектах вместе с преступниками-мужчинами содержались также дети и женщины, пенитенциарные учреждения в XIX в. в России превращались в самые настоящие «университеты» по обмену преступным опытом. Неслучайно П.А. Кропоткин замечал: «Вор, плут, грабитель, прошедшие несколько лет в тюрьме, выходят оттуда ещё более готовыми приняться за старую профессию. Они теперь лучше подготовлены: они изучили все тайны ремесла и более озлоблены против общества... То, преступление, которое он совершит после освобождения, неизбежно будет более серьезного характера, чем то, за которое он попался в первый раз. И ему предпочтительнее умереть или в тюрьме, или на каторге... Так, тюрьмы – это университеты преступно-

сти, содержимые государством...» [6, с. 445–446]. В этой среде преступники активно обменивались своими преступными знаниями, традициями и обычаями, как следствие, особо интенсивно развивалась и криминальная субкультура. Помимо преступной иерархии в ней обнаруживались иные элементы: наличие специального языка, правил и санкций, функционального распределения обязанностей между членами одной преступной группировки, криминальных кличек и т.д.

Особое внимание следует уделить формированию жаргона в России в рассматриваемый период в уголовной среде. Лексику криминальных элементов именовали в это время по-разному: байковый язык (от понятия «байка», «небылица»), арг (во Франции – шпора петуха, символ, опознавательный знак преступников), феня (изменённое «офеня» – бродячий торговец мелким товаром, использовавший особый разговорный язык), блатная музыка и др. [7, 8]. Язык профессиональных преступников в рассматриваемый период времени активно наполнялся новыми словами и фразами. Например, в Санкт-Петербурге в XIX – начале XX в. карманников называли «мазуриками», воровство – «торговлей», а само воровское ремесло – «темным товаром». «Склеиваться» на уголовно-воровском жаргоне означало «договариваться о совершении группового преступления», наиболее маститых воров именовали «мазами», а «шатунами» или «затырщиками» – воров, принимающих и скрывающих добычу. Тогда же воры стали распределять себя по следующим категориям. «Формушники» занимались вскрытием домов и лавок (форма – железный лом с гвоздодером). «Банюшники» орудовали в банях, «ширмошники» – «выворачивали», «срубали» карманы и т.д. Кошельки именовали «шмелями», бумажники – «кожей», а сумки – «шишками», цепочки на жаргоне преступников называли «паутиной», «арканом», «перевязью» и т.д. [9]. Для свободного владения жаргоном необходимо было запомнить в первую очередь слова из определенных тематических групп: криминальные «профессии» преступников, наименования жертв преступления, название оружия и орудий совершения преступных деяний, обозначение самого преступления (например, идти на «дело» или на «работу»), а также названия сотрудников правоохранительных органов, мест лишения свободы, предметов обихода и другое [10]. Так, диалект преступников наполнялся множеством новых лингвистических единиц, что способствовало формированию особого языка. Если в XVIII в. преступники использовали в своей речи, по замечанию отдельных исследователей, не более 200 арготических

слов и словосочетаний (по книге М. Комарова «Обстоятельное и верное описание добрых и злых дел российского мошенника, вора, разбойника и бывшего московского сыщика Ваньки Каина» 1779 г.) [4], то позже язык арг получил особое развитие. В связи с этим в России в конце XIX – начале XX в. даже издаются целые серии «преступных» словарей [11–13]. В этот же период времени складывается типология русской воровской речи: жаргон карманных воров, воров антиквариата, домушников и т.д., развиваются различные виды иных «условных преступных языков». При этом формируется и «универсальный» криминальный язык [14].

Примечательно, что многие названия «профессий» преступников, наименования их статуса в криминальной иерархии обязаны своим существованием именно развитию уголовного жаргона. Так, в пенитенциарных учреждениях России к концу XIX в. сформировалась своя криминальная иерархия ввиду того, что лишение свободы к указанному периоду времени стало наиболее распространённым видом наказания, а сроки заключения были длительными. Это способствовало формированию особой функционально-иерархической системы. Отдельно отметим, что эта иерархия сначала сложилась на каторге, а затем стала восприниматься как неотъемлемая часть жизни преступников и «на свободе», хотя долгое время этот элемент субкультуры принадлежал исключительно к каторжной среде.

Высшее положение в ней занимали «иваны», заключённые, которые ранее занимались преимущественно кражами и грабежами, неформальные лидеры каторги. Как замечает известный криминолог И.М. Мацкевич, «если проводить исторические параллели, Иваны – это те, кого сейчас называют “ворами в законе”» [15, с. 56]. Они не подчинялись общему порядку, редко работали, являлись неформальными лидерами. На каторге «иваны» часто протестовали против плохой пищи, непосильных заданий и несправедливых наказаний, за что их нередко приковывали к стене, избивали розгами и плетью. Это окружало их ореолом мученичества, что вызывало особое уважение и почтение со стороны иных заключённых. При этом они всегда держали своё слово. Так, например, известен случай побега «ивана» Пузальского из Херсонской тюрьмы, перед которым им было обещано зарезать помощника смотрителя. После того как Пузальского поймали спустя два года, он сдержал своё слово и убил обидчика. Нередко за преступления, совершённые «иванами», наказывали других.

«Храпы» отличались от «иванов» отсутствием в поведении смелости и решительности.

Пребывая в состоянии «тихой» оппозиции, они на всё всегда «храпели», в связи с этим их и стали именовать «храпами». В этой «касте» выделяли и «глотов» – заключенных, которые вставали на защиту того или иного человека за деньги, способствовали возникновению ссор.

«Игроки» – это профессиональные мошенники, шулеры. Наиболее ловкие из них носили «титул» «мастака». Обычно они не выполняли каторжные работы, нанимая вместо себя «сухарников». Примечательно, что именно «сухарники» помимо чужой работы нередко брали на себя ответственность и за совершённые другими лицами преступления [15, с. 56–58].

«Шпанки» занимали низшее положение в криминальной иерархии, их воспринимали как покорное большинство, всячески эксплуатировали. Как замечали современники, у них было лишь два состояния на каторге: работать и спать, спать и работать.

В дореволюционной литературе встречались и иные классификации преступников. Например, писатель-беллетрист А.И. Свирский подразделял обитателей мест лишения свободы на случайных преступников (так называемых «брусов» – «легалых» и «шламовых») и на «тюремный мир», состоявший из «фартовиков» – «жиганов» (бродяг и каторжников), «шпаны» (воров и прочих преступников) и «счастливец» (мошенников и шулеров) [16, с. 1–5], а С.В. Познышев классифицировал арестантов по поведению лиц, степени исправления преступников [17, с. 111–114].

Особо активно в XIX – начале XX в. в России развивались традиции и обычаи преступного мира. Примечательно, что у «профессионалов» ещё до революции существовала своя мораль и принципы, поэтому с ними было легче бороться. Как отмечает исследователь В.Ф. Пирожков, полиция в этот период времени «держала профессионалов на учете и знала, от кого из них что можно ожидать». Она понимала, что воры-«форточники», «гопники», мошенники не пойдут, например, на «мокрое дело», причём не только из-за боязни сурового наказания, но и по «идейным соображениям». Так, у профессиональных преступников XIX – начала XX в. появился свой «почерк», по которому полиция и вычисляла «автора» общественно опасного деяния [18, с. 8]. Постепенно в криминальной среде появлялись и свои правила поведения, законы, которые особо уважали в местах лишения свободы. Например, за любую измену в какой-либо форме, предательство обязательно убивали виновного. Причём не обязательно в той же тюрьме. Преступники лишали жизни и тех бывших «коллег», которые помогали предста-

вителям правоохранительных органов, уличали соучастников в совершении преступления. По сообщению В.М. Анисимкова, «избежать возмездия редко кому удавалось» [19, с. 150]. Неизменным было особое почитание «иванов», преклонение перед ними всех иных категорий преступников. Например, на каторге им доставались всегда лучшие места, остальные вынуждены были располагаться на голом полу, под нарами в темноте и холоде. Отвергнутые обществом создавали собственный замкнутый мир. В преступных организациях главенствовала ориентация на коллективизм. Хотя неписанный «кодекс» правил ещё находился в стадии формирования, в связи с чем в данный период преступные «законы» всё ещё принимали на общих сходках, впоследствии эти правила распространялись на весь уголовный мир. Основой этого неформального «кодекса» были выработанные опытом традиции и обычаи, которые являлись своеобразным продуктом субкультуры, тесно связанной с антиобщественными взглядами, привычками и ориентациями. Эти традиции и обычаи не только регламентировали жизнь преступного сообщества, но и закрепляли функционально-иерархические связи между членами криминальных групп (как внутри неформального объединения, так и в связях с внешним миром). Нередко члены этих опасных объединений использовали своеобразные «клятвы», «присяги» той или иной криминальной организации, ритуалы проверки вновь принятых членов. Особо тщательно правила уголовного мира соблюдались в местах заключения, например при поступлении в тюрьму в данный период времени было принято уплачивать так называемую «входную» (денежные средства, которые предназначались для поддержания арестантов, разделяемые поровну между ними). После своеобразной проверки (пытки, унижений и оскорблений) новичку давали кличку, определяли для него место в тюремной среде [19, с. 153].

Законы преступного мира, как элемента криминальной субкультуры, не отторгали и проявления благородства. По замечанию начальника Московской сыскальной полиции, криминалиста А.Ф. Кошко, в уголовной среде рассматриваемого периода было немало и незаурядных личностей, «если можно так выразиться, преступной этики». Так, Васька Белоус, зачинщик «эпидемии вооруженных грабежей» в начале XX в. в Московской губернии, проявлял «своего рода гуманность» в совершении антиобщественных деяний: бедняков не трогал, направлял «свои усилия лишь на зажиточных людей», грабежи осуществлял «бескровно», хотя свою жизнь и закончил на виселице [20, с. 155–165].

В рассматриваемый период времени в преступном мире утверждается ещё один атрибут криминальной субкультуры – нанесение татуировок, предшественниками которых считались клейма, выжигаемые на лицах преступников, а также простое пятнание. В XIX в. в России татуированием стали заниматься наиболее маститые криминальные элементы, для того чтобы выделить себя из «серой» массы преступников, «закрепляя» на теле своеобразные «фирменные знаки отличия». Особо наколки были распространены в среде каторжников, ввиду того, что сроки заключения в этих местах были, как правило, продолжительными. Эти «опознавательные символы» на теле помогали обладателю быстрее наладить контакт с предполагаемым «коллегой» по «масти». Причём эти рисунки на теле нередко имели и скрытый смысл, хотя первоначально татуировки были достаточно просты в силу того, что преступников привлекал сам процесс нанесения на тело наколок. К тому же «мастеров» в этом деле было немного. Со временем те или иные татуировки приобретали распространённые значения, «рассказывали» об их обладателе больше, чем документы. По наколкам можно было определить количество судимостей, принадлежность лица к той или иной «масти», особенности характера, «ранг» в преступной иерархии и многое другое [21]. Как отмечают отдельные исследователи, у русских преступников в дореволюционный период времени особо распространены были татуировки в виде картин, якорей, обозначения имён. Причём некоторые «профессионалы» отказывались от наколок в целях безопасности, а у иных рисунки на теле были выполнены в высокохудожественном стиле [22].

В это период в российской криминальной среде формируется также свой особый фольклор. Считается, что в 1908 г. во время поездки в Сибирь В.Н. Гартевельд предпринял одну из первых попыток собрать музыкальные записи ссыльных каторжан и политических заключённых. В 1909 г. 12 песен, предварительно обработанных, были записаны на пластинки [23], в 1911 г. выпущена брошюра с названием «Песни каторжан» [24, с. 1–5]. В будущем это направление имело особый успех сначала в городском фольклоре, а затем в шансоне и бардовской песне. Так, предтечей «блатной песни», или «блатняка», музыкальные историки считают именно «каторжные», «арестантские», «кандальные» и «разбойные» песни, особо популярные с середины XIX в. в России. Примечательно, что понятие «блатной», принадлежащей к преступному миру, имеющей связи с ним песни первоначально означало иное. Так, «блатарями»

в XIX в. называли конокрадов, в начале XX в. – скупщиков краденого, людей, не принадлежащих, но близких к преступному миру. Позднее «блатными» стали называть настоящих преступников, также эту приставку стали добавлять к некоторым элементам криминальной субкультуры, в частности к понятиям «песня» или «музыка» [25].

Однако криминальные традиции и обычаи, «законы» не получили широкого повсеместного распространения в России в конце XIX – начале XX в. Безусловно, отдельные элементы криминальной субкультуры, такие как уголовный жаргон, фольклор, преступные клички и многое другое, активно использовались на территории всей страны в уголовной среде. Однако, как правило, отдельные правила и традиции криминального мира замыкались в пределах действия тех или иных преступных организаций. Например, обычаи и устои шайки воров в Подмосковье не поддерживались сообществом мошенников из Санкт-Петербурга, и наоборот.

Таким образом, в российской преступной среде в дореволюционный период обнаруживаются важнейшие признаки профессиональной преступности, в том числе и культурные. Однако криминальная субкультура в представленный период всё ещё развивалась, связи с преступной средой были не прочны, а законы и обычаи преступного мира – неустоявшимися. При этом в конце XIX – начале XX в. в России сформировалась преступная иерархия, утвердились многие криминальные традиции, обычаи, появились такие атрибуты преступной среды, как татуирование, особый криминальный язык, фольклор и т.п. Также именно в это период времени сформировалась устойчивая система тюремного содержания, трактуемая в дальнейшем и воспринимаемая уже всем уголовным миром как «воровской закон».

НИР подготовлена в рамках государственного задания на 2022 год «Трансформация частного и публичного права в условиях эволюционирующих личности, общества и государства» (номер 0851-20200033).

Список литературы

1. Хаджаева Н.Х. Лингвокультурологический аспект возникновения в языке социальной лексики // *Lingua Mobilis*. 2011. № 6 (32). С. 66–70.
2. Приемышева М.А. Тайные и условные языки в России XIX в. Часть I. СПб.: Нестор-История, 2009. 455 с.
3. Акельев Е.В. Московские мошенники в XVIII в.: клички, язык, развлечения // *Живая старина*. 2007. 1 (53). С. 46–48.
4. Грачёв М.А. Интервенция криминального языка // *Наука и жизнь*. 2009. № 4. С.128–132.

5. Стромов В.Ю., Дворецкий М.Ю. Этапы развития отечественной системы уголовных наказаний в контексте совершенствования уголовной ответственности (XIX–XX вв.) // Вестник ТГУ. 2008. № 12. С. 586–594.
6. Кропоткин П.А. Записки революционера. М., 1988. 544 с.
7. Красковский Я.Э. Уголовный жаргон // НиКа. 2014. № 2. С. 309–310.
8. Дворянцева В.В. Стилистические проявления фени – русского арга // Культурная жизнь Юга России. 2007. № 6. С. 97–98.
9. Новак М.В., Горяинова А.С. Изучение тюрьмы и преступности в России XIX и начала XX веков // Наука. Искусство. Культура. 2018. № 4 (20). С. 126–130.
10. Даштар-Оол В.О. Жаргон – элемент криминальной среды // Вестник Тувинского государственного университета. Социальные и гуманитарные науки. 2010. № 1. С. 85–92.
11. Путилин И.Д. Условный язык петербургских мошенников, известный под именем «Музыки» или «Байкового языка» // Записки И.Д. Путилина. Кн. 4. СПб., 1904. С. 261–267.
12. Авдеенко И.К. Босаяцкий словарь: Опыт словотолкователя выражений, употребляемых босаяками: Сост. по разным источникам Ванька Бец. Одесса, 1903. 8 с.
13. Лебедев В.И. Словарь воровского языка // Вестник полиции. 1909. № 22–24. 397 с.
14. Юнаковская А.А. «Записки из Мертвого дома» и «Сибирская тетрадь» Ф.М. Достоевского как основа русской лингвокриминалистики // Вестник ОмГУ. 2012. № 1 (63). С. 279–285.
15. Мацкевич И.М. Мифы преступного мира. М.: Проспект, 2014. 368 с.
16. Свирский А.И. Мир тюремный (очерки). СПб.: Издание А.Н. Морозов, 1898. 223 с.
17. Познышев С.В. Очерки тюремоведения. М.: Г.А. Леман и Б.Д. Плетнев, 1915. 295 с.
18. Пирожков В.Ф. Законы преступного мира молодежи (криминальная субкультура). Тверь, 1994. 323 с.
19. Анисимков В.И. Россия в зеркале уголовных традиций тюрьмы. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. 204 с.
20. Кошко А.Ф. Очерки уголовного мира царской России. Т. 1. М.: Директ-Медиа, 2014. 215 с.
21. Малинин В.Б., Трапаидзе К.З. История возникновения татуировок // Царскосельские чтения. 2015. № 19. С. 55–59.
22. Гуров А.И. Профессиональная преступность: прошлое и современность [Электронный ресурс]. URL: <http://yurpsy.com/files/biblio/gurov/gurov.htm> (дата обращения: 09.10.2022).
23. Шалагин А.Е., Хрусталева О.Н. Тюремный фольклор в контексте криминальной субкультуры // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2017. № 4 (30). С. 46–52.
24. Гартефельд В.Н. Песни каторжан. М.: Об-во «Грамофон», 1911. 72 с.
25. Битиева М. Арга криминального мира // Lingua – Universum. 2009. № 1. С. 66–69.

ON THE DEVELOPMENT OF THE CRIMINAL SUBCULTURE IN RUSSIA IN THE PRE-REVOLUTIONARY PERIOD

K.A. Zarubina

The purpose of the work is to study certain aspects of the formation and development of the criminal subculture as an integral feature of professional crime in Russia in the pre-revolutionary period. The research methodology includes such methods as dialectical, logical, systemic, functional and some others. Conclusions are drawn about the formation of a system of spiritual and material values in Russia at the end of the XIX – beginning of the XX century, regulating and ordering the way of life of criminal communities.

Keywords: criminal subculture, professional crime, criminal professionalism, criminal jargon, criminal folklore, criminal hierarchy, signs of professional crime.

References

1. Khadjajeva N.H. Linguoculturological aspect of emergence in the language of social vocabulary // *Lingua Mobilis*. 2011. № 6 (32). P. 66–70.
2. Priemysheva M.A. Secret and conditional languages in Russia of the XIX century. Part I. St. Petersburg: Nestor-History, 2009. 455 p.
3. Akeliev E.V. Moscow swindlers in the XVIII century: nicknames, language, entertainment // *Living antiquity*. 2007. № 1 (53). P. 46–48.
4. Grachev M.A. Intervention of criminal language // *Science and life*. 2009. № 4. P. 128–132.
5. Stromov V.Yu., Dvoretzky M.Yu. Stages of development of the domestic system of criminal penalties in the context of improving criminal responsibility (XIX–XX centuries) // *Bulletin of TSU*. 2008. № 12. P. 586–594.
6. Kropotkin P.A. Notes of a revolutionary. M., 1988. 544 p.
7. Kraskovsky Ya.E. Criminal jargon // *NiKa*. 2014. № 2. P. 309–310.
8. Dvoryantseva V.V. Stylistic manifestations of the Fenian – Russian argot // *Cultural life of the South of Russia*. 2007. № 6. P. 97–98.
9. Novak M.V., Goryainova A.S. The study of prison and crime in Russia of the XIX and early XX centuries // *Science. Art. Culture*. 2018. № 4 (20). P. 126–130.
10. Dashtar-Ool V.O. Jargon – an element of the critical environment // *Bulletin of Tuva State University. Social sciences and humanities*. 2010. № 1. P. 85–92.
11. Putilin I.D. The conditional language of St. Petersburg scammers, known as «Music» or «Bike language» // *Notes of I.D. Putilin. Book 4*. St. Petersburg, 1904. P. 261–267.
12. Avdeenko I.K. Bosityatsky dictionary: The experience of the interpreter of expressions used by the bosityaks: Comp. according to various sources Vanka Betz. Odessa, 1903. 8 p.

13. Lebedev V.I. Dictionary of the thieves' language // Bulletin of the police. 1909. № 22–24. 397 p.
14. Yunakovskaya A.A. «Notes from the Dead House» and «Siberian Notebook» by F.M. Dostoevsky as the basis of Russian linguocriminalism // Bulletin of OmSU. 2012. № 1 (63). P. 279–285.
15. Matskevich I.M. Myths of the criminal world. M.: Prospect, 2014. 368 p.
16. Svirsky A.I. Prison world (essays). St. Petersburg: Edition of A.N. Morozov, 1898. 223 p.
17. Poznyshev S.V. Essays on prison studies. M.: G.A. Lehman and B.D. Pletnev, 1915. 295 p.
18. Pirozhkov V.F. The laws of the underworld of youth (criminal subculture). Tver, 1994. 323 p.
19. Anisimov V.I. Russia in the mirror of the prison's criminal traditions. St. Petersburg: Law Center Press, 2003. 204 p.
20. Koshko A.F. Essays on the criminal world of Tsarist Russia. Vol. 1. M.: Direct-Media, 2014. 215 p.
21. Malinin V.B., Trapaidze K.Z. The history of tattoos // Tsarskoye Selo readings. 2015. № 19. P. 55–59.
22. Gurov A.I. Professional crime: past and present [Electronic resource]. URL: <http://yurpsy.com/files/biblio/gurov/gurov.htm> (Date of access: 09.10.2022).
23. Shalagin A.E., Khrustaleva O.N. Prison folklore in the context of criminal subculture // Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2017. № 4 (30). P. 46–52.
24. Gartevel'd V.N. Songs of convicts. M.: Gramophone, 1911. 72 p.
25. Bitieva M. Argo of the criminal world // Lingua – Universum. 2009. № 1. P. 66–69.